
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

MONGOLICA-III

Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX вв.

Составитель и автор предисловия И.В.Кульганек

Санкт-Петербург
Издательство "Фарн"

1994

"Монголика-III". — СПб., "Фарн", 1994. — с.96 с илл.

ISBN 5-900461-028-5

Сборник издан на средства фонда "Культурная инициатива"

Сборник, состоящий из двух частей: "Из истории российского монголоведения" и "Монголоведение сегодня", ставит своей целью заполнить многочисленные лакуны и восстановить "забытые страницы" целых периодов существования монголоведной науки. Главными источниками данного исследования явились архивные материалы, впервые введенные в научный оборот. Книга рассчитана как на профессионалов-монголоведов, так и на более широкий круг читателей публики, интересующейся историей культуры России.

Отв. редактор С.Г.Кляшторный

ISBN 5-900461-028-5

© Все авторские права сохранены. Перепечатка отдельных статей преследуется законом и разрешена только с согласия авторов.

© Издательство "Фарн", 1994.

© Виноградова Н.А. Оформление, 1994.

Содержание

Foreword	5
Предисловие	8
Из истории российского монголоведения	
В.Л.Успенский. Монголоведение в Казанской Духовной Академии	11
Е.М.Даревская. Англичанин из Лондона в ургинской школе	18
К.Н.Яцковская. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П.Шастиной (1898-1980)	23
Н.П.Шастина. Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе	26
Н.П.Шастина. Фрагменты статьи об аймачном храме "Орлуд"	28
И.И.Ломакина. В.А.Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе	35
В.М.Алпатов. Советское востоковедение в оценках Н.Поппе	38
Е.М.Даревская. Письма И.М.Майского А.В.Бурдукову	47
Н.А.Симукова. Имя А.Д.Симукова возвращается в науку	57
Список опубликованных работ А.Д.Симукова (на русском языке)	61
А.Симуков. Доклад о двенадцатилетней работе в МНР и ее результатах	62
А.Симуков. Итоги работы Географического отделения Научно-Исследовательского Комитета МНР за 15 лет	64
Монголоведение сегодня	
Дмитриев С.В. Версии коронации Темучина с точки зрения политической логики (I. Теб-Тенгри)	72
Ю.В.Кузьмин. Русско-монгольские отношения в 1911—1912 годах и позиция общественных кругов России	75
С.Кибирова. Лютни Центральной Азии в инструментарии монголов, бурят и уйгуров	80
В.К.Шивлянова. Коллекция валиков Б.Я.Владимирцова в Пушкинском доме	86
Н.С.Яхонтова. "Краткое [изложение] "Ключа разума"	89

И.И.Ломакина

В.А.Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе

Трагическая судьба Владимира Александровича Казакевича (1896-1937), прожившего на свете сорок один год, завершилась расстрелом ученого 20 декабря 1937 г. в Ленинграде. Дата эта указана в акте о приведении приговора в исполнение, подшитом к следственному делу Казакевича в архиве бывшего КГБ. При обыске на квартире на Васильевском острове были изъяты фотоаппарат, два китайских ножа, две монгольские монеты и другие подобные "улики" "агента иностранных разведывательных органов". Жена его, ученый-китаист, Зоя Васильевна, выслана из Ленинграда "без указания срока высылки" как жена "осужденного за измену Родине". Она "выехала в высылку 2 января 1938 года, проживала в селе Дмитриевка Шучинского района Северо-Казахстанской (ныне Кокчетавской) области¹, умерла в Самарканде 9 мая 1940 г. То немногое, что оставалось на столе ученого в институте на момент ареста, хранится в Архиве востоковедов СПб ИВ РАН. Среди документов, имеющих здесь в личном деле ученого, особенно интересны два, относящихся к последнему году жизни: 1) Характеристика, написанная Н.Н.Полпе 7/1 1937 г., в которой, в частности, говорится: "В.А.Казакевич является наиболее квалифицированным сотрудником монгольского кабинета, единственным крупным специалистом монгольского кабинета, единственным крупным специалистом в области истории монголов XII-XVII столетий"². 2) Заявление В.А.Казакевича 10/IX 1937 г. "Директору ИВ АН академику А.Н.Самойловичу. Доводя до Вашего сведения о командировании меня МОНК АН СССР в МНР летом текущего года на срок до 15 октября, прошу разрешения на эту поездку. Цели и задачи ее заключаются в производстве глубокой археологической разведки на территории Центральной части МНР с тем, чтобы наметить этим план будущих археологических исследований. Разведка выразится в обследовании довольно большого района бассейна рек Орхона, Толы, их притоков, — Онгийн-гола и др., а также района северной Гоби. Объектами исследований будут служить развалины крепостей, монастырей, отдельных зданий, могилы разных эпох..."³. К сожалению, планам ученого осуществиться было не суждено.

Очень высоко оценивал языковую подготовку и способности Казакевича и Б.Я.Владимирцов. После

возвращения Казакевича из Монголии в июне 1926 г. профессор писал: "... главным предметом его исследований был монгольский язык в его наречиях, старых и новых, и различных письменных формах, а также страноведение Монголии. В этой области В.А.Казакевич успел сделать большую работу, произведя по поручению Монгольского Ученого Комитета маршрутную съемку с подробным описанием пройденных путей на очень большом пространстве". И далее профессор ходатайствует о привлечении Казакевича в качестве аспиранта "будучи уверен, что из него в скором времени выработается настоящий монголовед".⁴

В МАЭ есть один никогда не выставившийся экспонат, это — мумифицированная голова знаменитого Джа-ламы* "потомка Амурсаны", зарегистрированная как "голова монгола". В 1926 году ее привез из Улан-Батора В.А.Казакевич, что подтверждает удостоверение, выданное на его имя "на право провоза ящика без таможенного осмотра в адрес этнографического музея СССР, выданное полпредством СССР в г.Улан-Баторе", хранящееся как паспорт в музейном деле "головы монгола". Что "подвигло" В.А.Казакевича на "тайный" увоз головы Джа-ламы в Ленинград, мы, возможно, уже не узнаем. Одно ясно, что личность Джа-ламы занимала ученого всерьез. Это подтверждают материалы, хранящиеся в петербургских архивах.

Попав в Монголию летом в 1923 г., будучи студентом Петроградского института живых восточных языков, через два года Казакевич вернулся в Ленинград с удостоверением от Ученого Комитета МНР (№ 166 от 8 октября 1925 г.), в котором сообщалось, что "студент ЛИЖВЯ В.А.Казакевич, командированный в 1923 г. институтом в Монголию для ознакомления со страной и ее языком, пробыл с 28/VII 1923 г. по 1/IX 1925 г. на службе Учкома. За это время он принимал участие в пяти экспедициях, занимаясь рекогносцировочным исследованием топографии, естественно-исторических условий страны, сбором естественно-исторических коллекций и этнографических материалов. Кроме того, исполнял текущие работы по картографии.

*Агентство Экоарт выпускает книгу И.И.Ломакиной "Голова Джа-ламы" в 1994 г. (Ред.)

ческому отделу Комитета, высказывая серьезное отношение и живой интерес к разработке поручавшихся ему вопросов. Председатель Учкома Джамын⁵, секретарь Баточир⁶.

Сам же Казакевич так писал в "Отчете... о поездке в хошуны Тушетувана и Мерген-вана осенью 1923 г.", которая являлась одним из пяти маршрутов по Монголии за период 1923-1926 гг.: "...Учкомом мне были даны поручения обследовать южную часть Тушету-хан. аймака в отношении интересных ископаемых и археологических остатков. Затем было предложено разъяснить вопрос о местонахождении олобоихорхой, загадочного червя, известного по многочисленным рассказам, приурочивающим его к Дзак-Сужин-гоби. Кроме того поручалось вести съемку всего пройденного пути и сделать съемку южной границы Халхи..."⁷ Выехав из Урги 11 сентября 1923 г., он вернулся из поездки по юго-западным аймакам в столицу Монголии 1 декабря, проделывая ежедневно до 60 верст... К лету 1923 г., когда студент Казакевич впервые появился в Урге, Джа-лама был уже убит по распоряжению Народного правительства как враг революции. Его голову, мумифицированную в Гоби по всем степным правилам с помощью соли и огня, насадили на пику⁸ и провезли по аймачным и хошунным центрам до самой столицы, чтобы араты могли сами убедиться и разнести весть по всей Степи дальше: Джа-лама был смертен, и его больше нет! Голова "залегла" в Учкоме, а Казакевич, разъезжая по художу, выслушивал в юртах все новые рассказы о Джа-ламе. Записей о нем набралось много.

К сожалению, не удалось найти полевых дневников В.А.Казакевича 1923-1925 гг., но зато в фонде другого историка-монголиста В.Д.Якимова, его коллеги по Институту востоковедения в 1930-е годы, были обнаружены машинописные страницы, озаглавленные "Казакевич. Дневники". Василий Дмитриевич Якимов, занимавшийся историей ламаизма в Монголии, задумал написать повесть "Святой бандит. Наместник будды" — о Джа-ламе. Это было в 1937 году и, возможно, В.А.Казакевич по его просьбе собрал воедино свои записи, а, может быть, Якимов сам перепечатывал из полевых дневников коллеги эти нужные ему абзацы: "...Сообщу лишь те факты, о которых сам слышал. Насколько мне известно, кратко упомянул о нем в печати появились лишь у И.Майского ("Современная Монголия", Иркутск, 1921, с.254-258), в Бюллетене Монгольского Телеграфного Агентства под ред. В.Г.Генкина (Дадидани) от 10 и 18 февраля 1923 г., у Hernabb Konsten. [Weiderplatze der Mongolen im Reiche der Chalcha. Berlin. Band I, с. 113-121.] причем, последний автор страдает невероятной фантазией. Кроме того я имел возможность достать объявление Министерства юстиции Народного правительства Монгольского государства от 13 года правления Многими Возведенного, 4 месяца, 22 числа (1923, 5 июня), в котором вкратце сообщается о суде сообщников Джа-ламы. Более подробный материал находится в архиве Министерства юстиции, куда переданы также и все документы из Государственной Внутренней Охраны Монголии, относящиеся к этому делу.

Деятельность Джа-ламы во время первой монгольской революции была вкратце описана И.Майским до 1914 года. Имя Джа-ламы встречается в описании путешественника Г.Н.Потанина в 1884-86 гг. (Тунгута-тибетская окраина Китая и Монголия, т.1, с.463), где Потанин сообщает, что в Тангутском монастыре Цаган-субурган на берегу Кундулен-гола, самого восточного рукава Эдзин-гола, имеется геген Джа-лама, во время проезда экспедиции его дома не было, он уехал в Кобок-сайр (округ Или-Тарбагатай). Таким образом, является очень возможным, что авантюрист, хозяйничавший в Западной Монголии, будучи по происхожде-

нию калмыком-ойратом, мог воспользоваться этим названием, которое он слышал или на Эдзин-голе или в Кобук-сайре во время своих скитаний по Центральной Азии. Сам Джа-лама в разговорах с А.В.Бурдуковым производил себя из местности Ашик-хорго-ула в горной части аймака Богдо-хан-ула, находящейся недалеко к северу от бывшего уртонного пути на Уляс-утай и северной границе хошуна Хутуч-ула.

Собственное имя его было Дамби-Джанцан, а титул нойон-хутухту (в объявлении Министерства юстиции). Назывался он и Ноин-богдо и Джа-богдо, и Ноин-бакши, и Хойр-толгойт (о двух верблюдах), т.к. во время одного из своих появлений ездил с двумя белыми верблюдами. Происхождение Джа-ламы точно неизвестно, несмотря на то, что русские власти арестовали его и держали сперва в ссылке, а потом под наблюдением полиции, как русского подданного, факт этот до сих пор не доказан. Наоборот, все монголы считают Джа-ламу выходцем из Центральной Азии (в частности, из хошуна Алана-цин-вана). По рассказам нескольких лиц, слышанных мною, Дамби-Джанцан несомненно в этом хошуне должность х а (мелкого чиновника, адъютанта) и, будучи послан в Пекин с деньгами для взятки по какому-то делу, присвоил их себе и бежал неизвестно куда, чтобы затем объявиться в Западной Монголии. Относительно знания им русского языка имеются разные показания. Одни говорят, что он его совсем не знал, другие утверждают, что Джа-лама знал русский язык, но весьма слабо. Во всяком случае, это не может служить косвенным доказательством его русского подданства.

Летом 1918 года Джа-лама снова объявился в Монголии, воспользовавшись революционными событиями в России. Пройдя по Селенге, он остановился в монастыре Джалхандза-хутухта. Неизвестно, был ли сам хутухта посвящен в его планы, но участие в них шанзотбы монастыря Лхасорон-джаба доказано. В то время содействие Дамби-Джанцану в сильной и малой степени оказывали князья Цзасакту-хан, Церен-Гомбо-джаб, Джонон-ван..., содействие пятнадцати владетельных князей ставило в очень затруднительное положение Центральное Правительство, т.к. территория этих князей, находящаяся в аймаке Хан-Тайширу-ула, будучи удаленной от Улан-Батор-хото и принимая во внимание беспокойное состояние в то время Кобдосского округа, могли довольно легко образовать самостоятельное правительство во главе с Дамби-Джанцаном.

Но престиж центра был все-таки очень велик. Князья не решались явно высказывать свои мысли и помогали Джа-ламе тайком, чтобы войти в соглашение с Автономным правительством Монголии, были последним отвергнуты, и он удалился на крайний юго-восток в пограничную часть хошунов Цэцэг-нур (Дархан-бейле) и Бодо-хайран-ула (Дайнин-ван) к югу от хребта Монгольского Алтая, где халхасы уже не жили. Там он стал кочевать в местностях Тахи-усу и Гун-тамга, образовав хошун из слишком четырехсот юрт поданных князей Цэцэн-сартул, Пус-хайрхан-ула, Цэцэн-нур и торгутов из Булугуна, Карашара, Кобун-сайра. Последних, впрочем, было немного.

Киргизы рода Абан-уирэй хорошо помнили Джа-ламу по прошлой деятельности и не решались затрагивать его. Дело в том, что еще в 1911 году шайка их барантачей (воров скота) пробралась через Алтай в хошун Бус-хайрхан-ула и, пользуясь ночной темнотой, отогнала табун лошадей. Джа-лама, находившийся в то время неподалеку, погнался со своими людьми за киргизами и настиг их в ущелье Барлугийн-гол. Часть разбойников успела убежать, часть была убита и трое взяты в плен. Одного из них он собственноручно убил

и распорядился содрать с него кожу мешком (тулум), без разрезов. Затем велел отрезать уши у двоих пленных киргизов и, положив уши в кожу, отпустил их домой со словами: "Пока я не наполню кожу вашими киргизскими ушами, до тех пор я не успокоюсь и не перестану вас убивать". Этот поступок, действительно, устрасил киргизов и они долгое время не показывались, но после ареста Дамби-Джанцана стали грабить еще сильнее. Указание И. Майского, который несколько иначе описывает этот случай, на то, что Джа-лама снял с киргиза кожу для употребления при некоторых богослужениях, вызывает сомнения. Ясно, что при этом он преследовал цель устрасить киргизов, т.к. на востоке картинная жестокость всегда была излюбленным приемом для устрашения. Во всяком случае, следствием этого поступка явилось большое облегчение для жителей той области и тем самым усилило их приверженность к Ноин-багши (князю-учителю).

Насколько велико было одно время обожание, с которым относились к этому человеку, показывает следующее происшествие, рассказанное мне Л. Киреевым, торговавшим тогда в хошуне Бус-хайрхан-ула. Однажды Джа-лама, частенько приезжавший в монастырь Тэюлинхурэ, где существует торговый центр, попросил истопить для него баню, имевшуюся у русских торговцев. Это, конечно, было беспрекословно сделано, т.к. перед ним трепетали даже иностранцы. Пока он мылся в этой бане, у дверей ее собралась толпа народа, чаявшая получить мыльной воды после мытья и считавшая, что таковая будет очень полезна детям, которые скверно растут. Но, к их великому сожалению, Джа-лама всю воду вылил и даже прибрал баню, желая этим самым показать русским свою культурность.

Лучший способ войти к нему в милость были подарки серебром, золотом и хорошими скакунами. Других он совершенно не признавал.

Характерной чертой Джа-ламы была его жестокость. Существуют тысячи рассказов о страшных мученьях, которым он подвергал провинившихся. Практиковались сжигание живьем, отрезывание рук, ног, ушей,

носов, выкалывание глаз. По официальным данным, после его смерти в Улясутай были доставлены как вещественное доказательство четыре человеческих глаза. Они принадлежали двум подданным Джа-ламы, попробовавшим убежать от своего владыки. Будучи пойманными, они предстали перед ним, а Дамби-Джанцан собственными руками выдавив глазные яблоки из глазниц этих людей, отрезал ножницами нервы, на которых они висели, и положил в шкатулку на хранение. Пострадавшие, немного старше 30 лет, до сих пор живут на хошуне Бус-хайрхан-ула...

... И все-таки люди пробовали бежать от окружавшего их ужаса, несмотря на все препятствия, которые ожидали их по пути в пустыне. Приведу один из рассказов, лично записанный мной со слов моего проводника из хошуна Джибуланду-ула. Он поил у колодцев своих верблюдов, в то время как к нему подъехали пять человек торговцев и вместе с верблюдами угнали на Ма-дзань-шань, где ему пришлось пасти скот. Постоянный голод и беспричинное битье довели его до побега. Уйдя пешком, с одной только фляжкой воды, он был пойман и получил 200 бань (бамбуковых палок), после чего лежал целый месяц. Следы палок и боль в ноге остались на всю жизнь. Но так велико было желание этого человека избавиться от чудовищного обращения, что он бежал вторично, украв молодую верблюдицу и пересек через 5 суток большую пустыню к северо-западу от Саксэн-цаган-богдо в разгар зимы, питаясь одним снегом. Добравшись пешком до гор Аджи-богдо (верблюдица по дороге пала), он не решился здесь оставаться и, боясь близости Джа-ламы, бежал дальше в Гучен, где служил больше года пастухом у китайца. Лишь услышав о смерти Ноин-бакши, бедняк вернулся домой..."⁹

Эти несколько страниц не раскрывают причин появления головы Джа-ламы в Ленинграде, но они добавляют штрихи к знаниям из области интересов ученых того противоречивого, неоднозначного времени, объяснение которому явится делом будущих историков.

Примечания

¹ Ответ автору статьи Главного Управления внутренних дел от 16.12.1991 г.

² Архив востоковедов СПб ИВ РАН, ф.152, оп.3, ед.хр.276.

³ Там же.

⁴ ЦГА СПб., ф.7222, оп.5, д.19.

⁵ Как известно, созданный после революции 1921 г. в Урге Учком официально возглавлял Жамьян, однако душой первого научного центра Монголии, из недр которого выросла Академия Наук страны,

был Ц. Жамцарано (1880-1937). Под его руководством В. Казакевич, А. Симукон и другие молодые ученые из Советской России помогали закладывать основы различных областей научного изучения Монголии. Интересы их были разносторонними.

⁶ ЦГФ СПб., ф.7222, оп.26, д.58.

⁷ Там же, ф.722, оп.5, д.19.

⁸ Отверстие от пики отчетливо видно на "голове монгола" в МАЭ.

⁹ Архив востоковедов СПб ИВ РАН, ф.83, оп.1, д.27.